Кр 3961
Кр 83.3 (2=Рус)
Ч-51
Кр. 8913
Ч-51

Чествование памяти Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского в губ. г. Владимире

1902

EX LIBRIS
Л.С.БОГДАНОВА

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич.пред.выдач

2009 г.

2009 г.

2017

109 репрот

ЧЕСТВОВАНІЕ ПАМЯТИ

Н. В. ГОГОЛЯ и В. А. ЖУКОВСКАГО

ВЪ ГУБ. ГОР. ВЛАДИМІРѢ.

(22 и 23 Апрѣля 1902 года.)

Л. Бобылев

Изданіе Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи.

ВЛАДИМІРЪ на Клязьмѣ.
Типо-Литографія Губернск. Правленія.
1902.

Кр 8Р13
4-51

кр. 83.3(2=Рус) 5-86 Гоголь +
4-51
+кр. 83.3(2=Рус) 5-86
Жуковский

Печатано по постановленію Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи.
Предсѣдатель *С. Хвостовъ.*

кр-3961 ф
ВЛАДИМИРС
ОБЛАСТНАЯ БИБЛ

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Юбилейное торжество въ честь Гоголя и Жуковскаго въ г. г. Владимірѣ . . . . . I—VIII

Приложенія:

I. Значеніе произведеній Н. В. Гоголя въ развитіи русскаго общества. Рѣчь дѣйств. члена *Н. С. Приклонскаго* . . . . . 1—12

II. Отношеніе Гоголя къ Жуковскому. Рѣчь д. чл. *А. И. Троицкаго* . . . . . 13—28

III. Жизнь и поэзія Жуковскаго. Рѣчь дѣйств. чл. *В. А. Пузицкаго* . . . . . 29—48

IV. „Н. В. Гоголю". Стихотвореніе дѣйств. чл. *П. Н. Петровскаго* 49

ЮБИЛЕЙНОЕ ТОРЖЕСТВО

въ честь

Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго

въ губ. гор. Владимірѣ.

Иниціатива и устройство торжества въ память пятидесятилѣтія со дня кончины Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго принадлежитъ Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи. Назадъ тому три года, по ея мысли и согласно выработанной ею программѣ, Владиміръ блестяще отпраздновалъ Пушкинскій юбилей, а въ нынѣшнемъ 1902 году такъ-же торжественно почтилъ память двухъ другихъ великихъ русскихъ писателей.

Вопросъ о празднованіи юбилея со дня кончины Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго былъ поднятъ въ общемъ собраніи членовъ Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи еще 6 декабря 1901 года. Тогда же избрана была особая подкоммиссія, составившаяся изъ представителей всѣхъ мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, на которую возложены были полномочія выработки программы чествованія и приведенія этой программы въ осуществленіе. Въ составъ подкоммиссіи вошли: Владимірскій вице-губернаторъ С. А. Хвостовъ, князь А. Б. Голицынъ, П. В. Кутанинъ, С. А. Петровъ, А. В. Селивановъ, С. А. Иверовновъ, князъ Н. Н. Стокаси-

мовъ, Н. А. Беретти, Н. С. Граберъ, А. Г. Снопко, К. А. Ковалевскій, В. А. Ивановъ, ректоръ семинаріи архимандритъ Евгеній, А. А. Стрѣльцовъ, А. П. Флеровъ, В. Н. Органовъ, Е. Б. Островская, Н. А. Скоропадскій, А. В. Смирновъ, Н. В. Малицкій, В. Г. Добронравовъ, Н. Н. Чебышевъ, А. И. Троицкій, Н. С. Приклонскій, В. А. Пузицкій, И. В. Малиновскій и А. И. Преображенскій.

Къ 24 марта программа торжества была выработана и утверждена общимъ собраніемъ и послѣ этого сообщена особыми повѣсткамн всѣмъ членамъ Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи и болѣе виднымъ представителямъ Владимірскаго общества. Днемъ чествованія памяти великихъ писателей было назначено 23 апрѣля.

Наканунѣ этого дня въ обычное время была совершена во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ заупокойная литургія. По окончаніи ея членомъ Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи протоіереемъ А. И. Виноградовымъ произнесено было слѣдующее слово, посвященное памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго:

„По случаю исполнившагося пятидесятилѣтія со дня кончины Николая Васильевича Гоголя и Василія Андреевича Жуковскаго, совершаемъ мы нынѣ въ семъ благознаменитомъ соборномъ храмѣ молитвенное поминовеніе о сихъ великихъ писателяхъ. Оба эти писатели одарены были отъ Господа Бога богатыми талантами, и они не вознерадѣли о полученныхъ отъ Господа дарованіяхъ, но пріумножили ихъ и употребили на пользу общественную. Посему и воздается достойная честь приснопамятнымъ нашимъ роднымъ русскимъ писателямъ по всей Русской землѣ въ общественныхъ и воспитательныхъ учрежденіяхъ.

„При молитвѣ въ храмѣ Божіемъ умѣстно остановить вниманіе наше на нѣкоторыхъ дарованіяхъ Божіихъ, кои имѣли оба эти писателя.

„Дары сіи—нѣжное, способное глубоко трогаться любовію къ Богу и ближнему сердце.

„Въ Николаѣ Васильевичѣ Гоголѣ видимъ мы искреннѣйшаго христіанина, который въ свѣтскихъ произведеніяхъ своихъ высказываетъ глубокую любовь къ человѣчеству, а въ письмахъ его къ друзьямъ мы видимъ, что живая вѣра въ Бога, вѣрность православно-христіанскому ученію подвигала его къ сей любви.

„Нѣжность сердца и любвеобильность другаго писателя Василія Андреевича Жуковскаго и его христіанское чувство видно во всѣхъ его сочиненіяхъ. Но личность Василія Андреевича дорога русскому сердцу еще какъ—наставника въ Бозѣ почившаго Императора Александра Николаевича—Царя освободителя, Царя сострадавшаго и милліонамъ подданныхъ своихъ и собратьямъ нашимъ Славянамъ, томившимся подъ игомъ иновѣрныхъ. Всѣ такія великія дѣянія не плодъ-ли воздѣйствія и богобоязненнаго воспитателя?

„Послѣдніе дни жизни Василія Андреевича Жуковскаго ясно и поучительно являютъ намъ, каковъ онъ былъ истинный христіанинъ. Когда духовникъ прибылъ къ Василію Андреевичу для напутствованія его святыми тайнами, Василій Андреевичъ пожелалъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ пріобщились святыхъ таинъ и его дѣти, и когда это было исполнено, онъ обратился къ дѣтямъ и сказалъ: „Дѣти, Господь теперь съ нами, Онъ въ насъ теперь, радуйтесь мои милые“!

„Такіе, возлюбленные братіе, писатели и дѣятели, съ такимъ христіанскимъ сердцемъ, украшали первую половину прошедшаго столѣтія. Творя нынѣ о нихъ поминовеніе, будемъ живо напечатлѣвать въ умѣ своемъ, что сіи великіе люди, при всей высотѣ ума ихъ, не возгордились, не волновались всякимъ вѣтромъ ученія, но смиряли разумъ свой въ послушаніе Христово и были вѣрны до гроба матери нашей святой православной церкви. И вотъ душа наша невольно подвигается къ смиренной и усердной молитвѣ за нихъ. Аминь“.

По окончаніи литургіи отслужена была во главѣ съ ректоромъ семинаріи архимандритомъ Евгеніемъ торжественная панихида по почившихъ писателяхъ. На панихидѣ присутствовали: Владимірскій губернаторъ Н. М. Клингенбергъ, Владимірскій вицегубернаторъ С. А. Хвостовъ, представители правительственныхъ и общественныхъ учрежденій г. Владиміра, члены Ученой Архивной Коммиссіи и учащіеся мѣстныхъ учебныхъ заведеній.

Вечеромъ того же дня для учащихся г. Владиміра данъ былъ въ городскомъ театрѣ безплатный спектакль съ живыми картинами, посвященный памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго. Устройство этого спектакля взяли на себя, при благосклонномъ участіи мѣстнаго артистическаго кружка, Е. Б. Островская и Н. А. Скоропадскій. Программа спектакля была такова. I. Женитьба. Комедія Н. В. Гоголя. 1-е дѣйствіе. II. Ревизоръ. 1, 2 и 3 дѣйствія. III. Живыя картины: 1) Смерть Жанны д'Аркъ, 2) Ночь предъ Рождествомъ, 3) Наль и Дамаянти, 4) Ундина и 5) Апоѳеозъ: Гоголь окруженный своими героями.

V

Не смотря на то, что 22 апрѣля не всѣ еще учащіеся возвратились во Владиміръ съ пасхальнаго отпуска, Владимірскій городской театръ, любезно предоставленный въ распоряженіе Коммиссіи В. Ѳ. Бурлаковымъ, сверху до низу былъ наполненъ учащеюся молодежью обоего пола. Трудно представить себѣ то оживленіе, ту радость, которая свѣтилась на дѣтскихъ лицахъ. Отъ начала до конца спектакля театръ не переставалъ оглашаться веселымъ смѣхомъ дѣтскихъ голосовъ, шумно привѣтствовавшихъ артистическую игру исполнителей и безсмертныя слова великаго писателя. Во время живыхъ картинъ, поставленныхъ мастерски благодаря стараніямъ устроителей спектакля, оживленіе молодежи достигло высшаго размѣра. Апплодисментамъ и благодарностямъ не было конца...

Всѣмъ присутствовавшимъ на спектаклѣ розданы были безплатно портреты Гоголя и Жуковскаго. На оборотной сторонѣ портретовъ напечатана была программа спектакля.

23 апрѣля въ два часа дня въ залѣ дворянскаго собранія, великодушно предоставленномъ въ распоряженіе Коммиссіи ея членомъ Г. Губернскимъ Предводителемъ Дворянства, княземъ А. Б. Голицынымъ, открылось торжественное засѣданіе Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи, посвященное памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго. Залъ собранія имѣлъ празднично-торжественный видъ. Предъ портретомъ Государя Императора красовались два поясныхъ бюста чествуемыхъ писателей. Бюсты были увѣнчаны лавровыми вѣнками и красиво декорированы зеленью тропическихъ растеній, привезенныхъ изъ оранжереи губернаторскаго дома. Слѣва отъ бюстовъ возвышалась каѳедра для лекторовъ. По

обѣимъ сторонамъ ея были поставлены стулья для г.г. членовъ Архивной Коммиссіи, а вдоль всей залы противъ портрета Государя и бюстовъ чествуемыхъ писатетей—для публики, пожелавшей присутствовать на торжественномъ засѣданіи Коммиссіи. Входъ въ залъ былъ безплатный, но по особымъ билетамъ, которые раздавались распорядителями торжества: предсѣдателемъ Коммиссіи С. А. Хвостовымъ, А. А. Стрѣльцовымъ, Н. В. Малицкимъ, А. В. Смирновымъ и Н. Н. Чебышевымъ.

Засѣданіе открылось съ прибытіемъ начальника губерніи Н. М. Клингенберга. Въ началѣ хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ подъ акомпаниментъ духовой музыки 9-го гренадерскаго Сибирскаго полка былъ пропѣтъ народный гимнъ „Боже Царя храни". По желанію публики гимнъ былъ повторенъ. Затѣмъ архіерейскимъ хоромъ, подъ управленіемъ извѣстнаго во Владимірѣ и опытнаго регента А. Е. Ставровскаго, былъ прекрасно исполненъ гимнъ въ честь Н. В. Гоголя „Слава художнику смѣха могучаго" (музыка Четвертакова, слова Быстрова). Гимнъ вызвалъ долго несмолкавшіе апплодисменты.

Послѣ гимна на каѳедру взошелъ Н. С. Приклонскій и произнесъ рѣчь на тему „Значеніе произведеній Н. В. Гоголя въ развитіи русскаго общества" (см. приложеніе 1-е). Вторую рѣчь—объ „отношеніи Н. В. Гоголя къ В. А. Жуковскому"—сказалъ А. И. Троицкій (см. приложеніе 2-е). Вслѣдъ затѣмъ предсѣдатель Общества взаимопомощи учащимъ и учащимся Владимірской губерніи П. Н. Петровскій произнесъ составленное имъ стихотвореніе: „Н. В. Гоголю" (см. приложеніе 4-е). На просьбы публики повторить прочитанное—П. Н. Петровскій произнесъ съ каѳедры второе стихотвореніе „Троица".

Рѣчь А. И. Троицкаго служила какъ бы переходомъ къ чествованію В. А. Жуковскаго. Наступилъ короткій перерывъ. Во время перерыва игралъ оркестръ 9-го гренадерскаго Сибирскаго полка, который вообще исполнялъ разныя музыкальныя піесы въ антрактахъ между рѣчами и вносилъ въ торжество оживляющее разнообразіе. А затѣмъ хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ былъ пропѣтъ гимнъ В. А. Жуковскому: „Не только привѣтнымъ стремленьемъ къ блаженствамъ туманной дали"... (муз. Пахіопуло). Гимнъ Жуковскому такъ понравился присутствующимъ, что, по ихъ желанію, былъ повторенъ.

Третья рѣчь В. А. Пузицкаго посвящена была вопросу о „жизни и поэзіи В. А. Жуковскаго" (см. приложеніе 3-е). Послѣ рѣчи В. А. Пузицкаго П. Н. Петровскій прочиталъ стихотвореніе Полонскаго.

Всѣ рѣчи и стихи были покрыты дружными и горячими апплодисментами.

Стихотвореніемъ Полонскаго засѣданіе окончилось. Предсѣдатель Архивной Коммиссіи С. А. Хвостовъ объявилъ собраніе закрытымъ и благодарилъ всѣхъ лицъ, которыя своими трудами оказали содѣйствіе торжеству.

Всѣ присутствовавшіе на засѣданіи Коммиссіи получили портреты Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго, на оборотной сторонѣ которыхъ была напечатана программа этого засѣданія.

Вечеромъ 23 апрѣля Владимірскій артистическій кружокъ вторично далъ спектакль, посвященный памяти великихъ писателей, по программѣ указанной выше,—но на этотъ разъ платный. Денежный сборъ, вырученный отъ спектакля, былъ усту-

пленъ Владимірскимъ артистическимъ кружкомъ въ распоряженіе Коммиссіи для покрытія расходовъ понесенныхъ ею по устройству торжества.

Вечеромъ 23 апрѣля во Владимірскій городской театръ собрались лица, желавшія день памяти великихъ писателей посвятить всецѣло воспоминаніямъ объ ихъ дѣятельности и эстетическому наслажденію ихъ великими твореніями. Высокохудожественная игра артистовъ какъ нельзя лучше содѣйствовала этому. Особенно бурный восторгъ вызвала заключительная картина спектакля. Бюсты Гоголя и Жуковскаго, поставленные на сценѣ, декорированные зеленью и эффектно освѣщенные бенгальскими огнями, были окружены героями и героинями безсмертныхъ авторовъ. Геній вѣнчалъ бюсты лавровымъ вѣнкомъ. Въ антрактахъ между живыми картинами были прочитаны стихотворенія В. А. Жуковскаго.

На долю устроителей спектакля выпали воодушевленные апплодисменты.

Такъ прошли во Владимірѣ дни, посвященные памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго. Владимірская Губернская Ученая Архивная Коммиссія и на сей разъ, какъ назадъ тому три года во время юбилея А. С. Пушкина, сумѣла сплотить мѣстное интеллигентное общество и совмѣстно съ нимъ почтить память тѣхъ, имена которыхъ дороги для всякаго образованнаго русскаго человѣка.

Расходы по устройству празднества въ честь Гоголя и Жуковскаго были покрыты Владимірскою Ученою Архивною Коммиссіею частію суммою, собранною отъ юбилейнаго спектакля, частію изъ наличныхъ средствъ Коммиссіи.

Значеніе произведеній Н. В. Гоголя

ВЪ РАЗВИТІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА.

(Рѣчь дѣйств. члена Н. С. ПРИКЛОНСКАГО).

Мм. Гг.!

Произведенія Гоголя пестрятъ такъ называемыми „лирическими отступленіями". Часто по малѣйшему поводу Гоголь прерываетъ связную нить своего разсказа, даетъ просторъ внезапно нахлынувшимъ на него думамъ и чувствамъ и уносится на крыльяхъ фантазіи далеко отъ описываемыхъ лицъ и событій... Въ одномъ изъ такихъ „лирическихъ мѣстъ" поэмы „Мертвыя души" Гоголь восклицаетъ: „гдѣ тотъ, кто-бы на родномъ языкѣ русской души нашей умѣлъ-бы намъ сказать всемогущее слово—впередъ? кто, зная всѣ силы и свойства и всю глубину нашей природы, однимъ чародѣйнымъ мановеньемъ, могъ-бы устремить насъ на высокую жизнь? Какими слезами, какою любовью заплатилъ-бы ему благодарный русскій человѣкъ"!

Всѣ мы, собравшіеся сюда, чтобы съ благодарностію вспомянуть незабвеннаго нашего писателя въ пятидесятилѣтіе его кончины, уже самымъ фактомъ своего собранія открыто признаемъ, что это всемогущее слово—„впередъ" „на родномъ языкѣ русской души" было сказано намъ Гоголемъ.

Онъ „крѣпкою силою своего неумолимаго рѣзца ярко и выпукло выставилъ на всенародныя очи“ „всю бѣдность и несовершенство нашей жизни“ и заставилъ насъ отвернуться отъ этой бѣдности, чтобы искать новыхъ и лучшихъ формъ жизни. Онъ устремилъ насъ впередъ, вотъ та великая служба, какую сослужилъ Гоголь русскому обществу дивными созданіями своего генія; въ ней надо искать ключа къ разгадкѣ и его литературно-художественной дѣятельности.

Въ каждомъ дѣлѣ необходимо выполнить двѣ задачи: сначала надо создать руководящую идею, какъ основу всего дѣла, а затѣмъ надо осуществить ее. Смотря по сложности и важности дѣла, эти задачи выполняются или единичными усиліями одного лица или трудами нѣсколькихъ. Въ дѣлѣ созданія нашей національной литературы первая задача была выполнена Пушкинымъ, а вторая Гоголемъ. Историческое дѣло Пушкина—художника состояло въ томъ, что онъ твердо установилъ основныя начала поэзіи. До Пушкина поэзія исполняла рабскую роль—доставлять „невинное и пріятное развлеченіе въ часы скуки или задумчивости“,—не была и не признавалась руководительницей жизни. Пушкинъ завоевалъ поэзіи свободное, царственное положеніе и ясно опредѣлилъ ту высокую роль, какую она должна имѣть въ духовномъ развитіи общества. Онъ не только провозгласилъ эти идеалы искусства, но и, силою своего генія, навсегда утвердилъ ихъ въ сознаніи общества. Это было главной заслугой Пушкина и вмѣстѣ какъ-бы художественной программой, духовнымъ завѣщаніемъ для грядущей литературы. Гоголь исполнилъ это завѣщаніе: Пушкинскіе идеалы искусства онъ оправдалъ на дѣлѣ. Его произве-

денія дѣйствительно сопровождались благотворными послѣдствіями въ общественной жизни и сдѣлались не только драгоцѣннымъ литературнымъ достояніемъ, но и великой исторической силой въ развитіи общества. Въ этомъ заслуга Гоголя--художника.

Тайна волшебнаго могущественнаго дѣйствія на общество произведеній Гоголя скрыта въ особенностяхъ его творческаго генія.

Съ дѣтства Гоголь отличался чрезвычайною любознательностію. Это была способность быстро схватывать характерныя черты предметовъ и запечатлѣвать ихъ надолго въ памяти. „Въ лѣта юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго дѣтства, разсказываетъ Гоголь, весело мнѣ было подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно—была-ли то деревушка, село-ли, слободка—любопытнаго много открывалъ въ немъ мой дѣтскій любопытный взглядъ.... Ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманія и, высунувши носъ изъ походной телѣги своей, я смотрѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики съ гвоздями, съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфектъ; глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго, Богъ знаетъ, изъ какой губерніи на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ—и уносился мысленно съ ними въ бѣдную жизнь ихъ“. Постепенно развиваясь, эта наблюдательность перешла потомъ у Гоголя въ неудержимое стремленіе—все видѣть и слышать самому, въ страсть—разузнавать и разспрашивать, которою онъ надѣлилъ и Чичикова. Когда „по милости ямщиковъ или кузнецовъ“ приходилось

застрять въ какомъ-нибудь городишкѣ, Гоголь пускался бродить по мѣстечку, ко всему присматривался, обо всемъ разспрашивалъ. Отсюда и въ своихъ произведеніяхъ онъ изображалъ главнымъ образомъ то, что видѣлъ и слышалъ самъ, что наблюдалъ непосредственно въ жизни. У него, по собственному признанію, только то и выходило хорошо, что „взято было изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, ему извѣстныхъ". Вотъ гдѣ надо искать причину той необычайной яркости и отчетливости, съ какими отразилась въ произведеніяхъ Гоголя именно современная автору русская дѣйствительность. Это было своего рода откровеніемъ для тогдашней литературы. Даже у Пушкина—родоначальника русскаго реализма—мы не встрѣчаемъ такихъ широкихъ бытовыхъ картинъ живой современности. И только „въ Ревизорѣ" и „Мертвыхъ душахъ" впервые была вдвинута въ рамки художественнаго изображенія огромная николаевская провинціальная Русь, съ ея безграничными полями, гдѣ „какъ точки, какъ значки" стояли непримѣтные города и гдѣ протекала своеобразная жизнь съ ея чисто гоголевскими типами.

Дѣйствіе этой современности въ произведеніяхъ Гоголя было очень важно. Читатель видѣлъ, что живые образы художника „изъ его же тѣла взяты", въ герояхъ произведенія онъ узнавалъ частію самого себя, частію окружающихъ людей. Это вызывало желаніе провѣрить автора, справиться съ дѣйствительностію и своимъ личнымъ опытомъ, и такимъ образомъ пробуждало интересъ къ художественному произведенію не отвлеченный и мимолетный, а глубоко-жизненный. Постепенно читатель убѣждался, что это уже не простое средство разсѣять его скуку, но серьезный жизненный фактъ, который близко

его касается и надъ которымъ, поэтому, стоитъ подумать.

Мы сейчасъ увидимъ, какъ самъ авторъ приводитъ читателя къ такому выводу.

Природныя наклонности таланта указывали Гоголю спеціальную сферу для жизненныхъ наблюденій. Гоголь не былъ, подобно Пушкину, эхомъ, легко откликающимся на всякій звукъ жизни гармоничнымъ и жизнерадостнымъ аккордомъ; но за то природа щедро, и можетъ быть даже слишкомъ, одарила его душу чуткостью къ тому, что составляетъ будничную и закулисную сторону всякаго человѣческаго существованія независимо отъ показной роли, въ какой выступаетъ человѣкъ предъ другими,—что мутнымъ осадкомъ лежитъ на днѣ души человѣка и само упорно не хочетъ всплыть на поверхность. Онъ „вызывалъ наружу то, что ежеминутно предъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ раздробленныхъ и повседневныхъ характеровъ“.

Такова основная тема, которую Гоголь такъ упорно и настойчиво и съ такимъ несравненнымъ искусствомъ проводилъ въ своихъ произведеніяхъ. Это—изображеніе пошлости въ жизни и въ человѣкѣ. Но что такое, въ сущности, эта тема, какъ не сама жизнь,—та неподкрашенная дѣйствительность, среди которой ежеминутно вращаются люди? Нѣтъ человѣка, который не былъ-бы опутанъ тиною мелочей повседневной жизни, не былъ-бы хотя отчасти раздробленъ соромъ и хламомъ будней. Стало быть и нѣтъ такого счастливца, котораго-бы не касалась эта горькая жизненная правда, сгруппированная въ цѣломъ рядѣ геніально-проницатель-

ныхъ обобщеній. Зарядъ весь попадалъ въ цѣль и насквозь пробивалъ коросту самодовольнаго спокойствія и усыпленной совѣсти. Въ душу закрадывалась тревога и порождала благодѣтельную, хотя и мучительную вначалѣ работу внутренняго самоанализа. Такъ произведенія Гоголя будили личное нравственное сознаніе.

Но ихъ дѣйствіе этимъ не ограничилось. Въ нихъ заключалось много такихъ данныхъ, въ силу которыхъ пробужденная мысль читателя невольно обращалась къ анализу внѣшней окружающей дѣйствительности.

Въ самомъ дѣлѣ: главные герои произведеній Гоголя въ дѣйствительности вовсе не герои. Это не тѣ каррикатуры, которыя десятками попадались въ старыхъ романахъ, гдѣ ужъ „если герой, то и собой-то красавецъ, и на гитарѣ играетъ чудесно, и поетъ отлично, а если злодѣй, то и не подходите близко—съѣстъ васъ живьемъ“... (Бѣлинскій). Это все обыкновенные заурядные люди, тѣ повседневные характеры, какими кишмя-кишитъ толпа, общественная масса. Являлись вопросы: откуда взялись эти „странные“ герои? Не печальное-ли они порожденіе уродливо-сложившагося строя общественной жизни? Не лежитъ-ли корень зла помимо нихъ, въ глубинѣ той почвы, на которой они такъ благополучно произрастаютъ? Иначе какъ объяснить этотъ широкій разливъ общественнаго зла, гдѣ искать причины того, что гоголевскіе типы не исключеніе и не случайныя аномаліи, а общее явленіе, къ которому всѣ настолько привыкли, что даже перестали чувствовать его вредъ и опасность?!

Рѣшеніе этихъ вопросовъ облегчалось другою особенностію творчества Гоголя. Гоголь — худож-

никъ—психологъ по преимуществу. Но его психологія носитъ скорѣе общественный, точнѣе—коллективный, чѣмъ интимно-личный характеръ. Любовь, обстановка семейной жизни, вообще область личныхъ настроеній человѣка, мало занимаютъ Гоголя. Но въ духовномъ обликѣ его героевъ ясно проступаютъ черты общественнаго класса и цѣлаго сословія лицъ. Вмѣстѣ съ этимъ у Гоголя замѣтно стремленіе придавать своимъ героямъ опредѣленныя общественныя роли. Въ „Ревизорѣ“ и „Мертвыхъ душахъ“ выводятся не просто только русскіе люди, но именно русскіе помѣщики, русскіе чиновники. Сами по себѣ они вовсе не какіе-нибудь отъявленные злодѣи; правда, всѣ они ничтожны и мелочно-эгоистичны, однако въ нихъ можно встрѣтить и добрыя черты. Но когда они выступаютъ въ своей общественной роли, ихъ темныя стороны и становятся замѣтнѣе, и возбуждаютъ негодованіе. Для читателя ясно, что здѣсь ихъ пошлость въ концѣ концовъ есть невѣжество и несправедливость;—она объясняется отсутствіемъ у нихъ элементарныхъ нравственно-общественныхъ понятій о правѣ, о достоинствѣ человѣческой личности, о своемъ общественномъ долгѣ. Но откуда было взяться у нихъ этимъ понятіямъ, когда въ разрѣзъ съ ними шелъ весь господствующій строй жизни—тѣ застарѣлыя формы крѣпостного быта, которыми они сами были взлелѣяны. На этой почвѣ—отсутствія гласности и сколько-нибудь развитого общественнаго мнѣнія только и могъ выростать разгулъ инстинктовъ мелкаго эгоизма и произвола, при которыхъ и не злой по натурѣ человѣкъ становится истиннымъ бичемъ для окружающихъ.

Таковъ естественный процессъ мысли, рано или поздно совершившійся въ умахъ читателей подъ

руководствомъ самого художника и подъ впечатлѣніемъ мастерски нарисованныхъ имъ бытовыхъ картинъ современности.

Но Гоголь самъ и ускорялъ теченіе этого процесса своимъ близкимъ отношеніемъ къ воспроизводимымъ явленіямъ жизни. Онъ не оставлялъ въ одиночествѣ своихъ героевъ, но шелъ объ-руку съ ними и, разсказывая намъ ихъ смѣшныя и вмѣстѣ грустныя исторіи, самъ не могъ удержаться отъ смѣха и слезъ. Гоголь не былъ холоднымъ, безучастнымъ наблюдателемъ „мелочей повседневной жизни". Его чуткое, всегда возвышенно настроенное сердце болѣзненно отзывалось на эти мелочи, искажавшія нравственный образъ человѣка, и онъ преслѣдовалъ ихъ со страстью, наносилъ имъ удары, къ какимъ только была способна его рука. Этимъ и объясняется, что воспроизводимая имъ житейская мелочь такъ „крупно мелькала въ глаза всѣмъ",— нравственная нищета неумолчно заявляла о себѣ, не давала отдыха и успокоенія душѣ читателя. Такой эффектъ достигался при помощи самаго вѣрнаго и мудраго средства—смѣха. Это былъ безпощадный смѣхъ, проникавшій въ такія сердечныя твердыни, куда не достигли-бы звуки самыхъ грозныхъ обличеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пробуждалъ въ душѣ читателя и лучшія человѣческія чувства. Это не былъ смѣхъ злорадства, но смѣхъ, родившійся, по словамъ Гоголя, изъ любви къ человѣку. Вотъ почему у него этотъ смѣхъ часто переходитъ въ грусть, а комическія сцены и лица сплошь и рядомъ заключаютъ въ себѣ глубокую жизненную драму. Подобная смѣна настроеній происходитъ и въ душѣ читателя: сначала ему—смѣшно, потомъ—грустно. Возьмемъ любой изъ отрицательныхъ типовъ Гоголя:

насъ смѣшатъ ихъ глупости, ихъ ничтожество, но отчего-же самъ человѣкъ возбуждаетъ состраданіе и жалость? Почему всѣхъ этихъ Акакіевъ-Акакіевичей, старосвѣтскихъ помѣщиковъ, Ивановъ Ивановичей съ Иванами Никифоровичами, даже героевъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“ нельзя презирать, а можно только скорбѣть объ ихъ нравственномъ убожествѣ? Это потому, что за нихъ болитъ сердцемъ самъ авторъ, который и въ самомъ послѣднемъ изъ нихъ видитъ все-же „прекрасное Божье созданье“, лишь искалѣченное общею „бѣдностью и несовершенствомъ“ нашей жизни.

Такъ великій художникъ воспитывалъ въ читателѣ теплое гуманное чувство, указывая права человѣческой личности въ самыхъ скромныхъ существованіяхъ и пробуждая „милость къ падшимъ“. Нѣтъ нужды разъяснять, какъ это было важно для общества, возросшаго въ крѣпостническихъ понятіяхъ о достоинствѣ человѣка,—въ презрѣніи къ „низшимъ тварямъ“.

Итакъ, реализмъ, обращенный къ воспроизведенію *современной автору* русской дѣйствительности, яркое изображеніе господствующей бытовой мелочности и общественной неправды, наконецъ—юморъ, или глубокое личное чувство автора, „въ смѣхѣ сквозь слезы“ раскрывающаго внутренній смыслъ явленій,—вотъ тѣ особенности творческаго генія Гоголя, которыя объясняютъ намъ важное общественное дѣйствіе его произведеній.

Но ошибочно было-бы думать, что весь глубокій общественный смыслъ произведеній Гоголя сразу раскрылся сознанію большинства современниковъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ сложнымъ психологическимъ процессомъ, результаты котораго обнаружи-

ваются постепенно. Гоголь говорилъ картинами нравовъ, выводы долженъ былъ сдѣлать самъ читатель; но для этого требовалась необычная работа анализа, которая большинству была совсѣмъ не подъ силу.

Первоначальное дѣйствіе произведеній Гоголя объясняется состояніемъ современнаго ему русскаго общества. Лучшая характеристика этого общества дана самимъ Гоголемъ. Это было время неподвижнаго застоя общественной мысли и жизни, то очень смирное время, когда, по выраженію Тургенева, правительственная сфера захватывала и покоряла подъ себя все. Пробужденіе общества послѣдовало съ выходомъ въ свѣтъ „Ревизора“ и началось общимъ негодованіемъ противъ автора этой пьесы. „Всѣ противъ меня, писалъ Гоголь; чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ, полицейскіе противъ меня, купцы, литераторы противъ меня, - бранятъ и ходятъ на пьесу“. Негодованіе общества понятно: его разбудили отъ сладкихъ грезъ и вернули къ трезвой и скучной дѣйствительности. Но рядомъ съ этимъ негодованіемъ очевидно росло и какое-то нервное безпокойство, иначе зачѣмъ было по 20-ть разъ ходить на пьесу? Приговоръ комедіи сразу былъ подписанъ большинствомъ: „это каррикатура, клевета, фарсъ“;—однако внутренній голосъ не переставалъ твердить, что эта каррикатура—сама дѣйствительность и ужъ не вина автора, если дѣйствительность похожа на каррикатуру. И вотъ, бранясь и негодуя, снова ходили на пьесу, чтобы побѣдить этотъ внутренній голосъ, убѣдиться въ неестественности „выдумки“ и—успокоиться; но съ каждымъ разомъ противъ воли убѣждались въ противномъ...

Такъ сквозь негодованіе и досаду мало-по-малу пробивалось искреннее сознаніе правды того, что сгоряча обругали клеветой и фарсомъ, и чисто инстинктивныя дѣйствія чувства уступали мѣсто размышленію.

Слѣды этого становятся замѣтны уже съ появленіемъ „Мертвыхъ душъ“. По наблюденіямъ современника „каждый вынесъ изъ этой книги Гоголя хотя одно живое слово, повторяя его вѣчно и безпокоясь этимъ словомъ, какъ событіемъ, опредѣляющимъ его положеніе въ свѣтѣ, его нравственную физіономію..... Всѣ стали подрываться и подкапываться подъ свою, дотолѣ дремотную и лѣнивую жизнь....., всѣ ухватились за отрицаніе (Валеріанъ Майковъ).

Конечно, въ этихъ первыхъ проблескахъ критической мысли и первыхъ шагахъ самостоятельной дѣятельности общества оставалось еще много неяснаго: не было отчетливаго представленія ни о причинахъ своихъ недостатковъ, ни о средствахъ къ ихъ удаленію, а дѣятельность скорѣе была какой-то общей сутолокой, чѣмъ совершалась по опредѣленному плану и направлялась къ ясно намѣченной цѣли. Тѣмъ не менѣе великій шагъ впередъ былъ сдѣланъ: обществу раскрылись его собственныя язвы и народилась потребность въ новой жизни.

Вмѣстѣ съ тѣмъ среди самого общества нашлись люди, которые помогли возвести эту смутную потребность на степень сознательнаго идеала. Это былъ небольшой кружокъ передовыхъ людей во главѣ съ Бѣлинскимъ. Люди этого кружка недовѣрчиво относились къ настоящему и горячо стремились къ лучшимъ формамъ общественной жизни. Гоголь сталъ для нихъ великой опорой: онъ испол-

нилъ половину ихъ задачи. Онъ рельефно и картинно выставилъ фальшивыя и вредныя стороны нашего общественнаго быта. Эти послѣднія, благодаря ему, стали фактомъ, который не нуждался болѣе въ доказательствахъ и не подлежалъ спору. Оставалось только дать оцѣнку этому факту, т.-е. указать его причины и намѣтить средства къ ихъ устраненію. Этимъ и занялся кружокъ Бѣлинскаго.

Между тѣмъ дѣятельность этого кружка была началомъ того движенія, которое въ эпоху великихъ реформъ охватило большую часть образованной Россіи.

Что принесло съ собой это движеніе—знаетъ каждый изъ насъ.

Гоголь не былъ самъ его передовымъ бойцомъ, но важно то, что онъ далъ ему въ руки великое оружіе—свои произведенія.

Оружіе не положили въ ножны и не оставили висѣть на стѣнѣ клинкомъ „безславнымъ и безвреднымъ“.

Оно вдохновляло для битвы все новыхъ и новыхъ бойцовъ и украсилось трофеями многихъ побѣдъ.

Подъ его ударами рушилась общественная неправда и расчищался путь къ свѣтлой будущности.

Приложеніе 2-е.

Отношеніе Гоголя къ Жуковскому

(Рѣчь дѣйст. члена А. И. ТРОИЦКАГО).

Содержаніе настоящаго краткаго очерка касается, въ раскрытіи избранной темы, двухъ вопросовъ: во-первыхъ, какъ Гоголь смотрѣлъ на поэтическую дѣятельность Жуковскаго, во-вторыхъ,— какъ онъ относился къ послѣднему, какъ цѣнителю его (Гоголя) произведеній. Предлагаемое разрѣшеніе этихъ вопросовъ составлено, за неимѣніемъ другихъ источниковъ, исключительно на основаніи писемъ Гоголя [1]). Поэтому, если сжатость очерка обусловливалась назначеніемъ его для публичнаго произношенія, то могущая встрѣтиться по мѣстамъ неполнота, или недоговоренность должны быть всецѣло отнесены къ недостатку необходимаго матеріала.

Личное знакомство нашихъ юбилейныхъ поэтовъ, съ которыми тѣсно связаны были ихъ литературныя отношенія, установилось въ началѣ 1831 г. Около двухъ съ половиной лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ Гоголь переселился съ родного юга къ нѣкогда милому для его школьныхъ мечтаній сѣверу. За это время великій писатель успѣлъ хлебнуть

---

[1]) Изданіе Маркса, подъ редакціей Шенрока, въ 4-хъ т. По этому изданію сдѣланы всѣ цитаты.

уже не мало изъ горькой чаши жизни. Послѣ цѣлаго ряда мытарствъ по устройству своего служебнаго положенія и по обезпеченію сноснаго матеріальнаго существованія, онъ обратился къ поэтическому воспроизведенію преданій и картинъ родной Украины. Появившіяся изъ-подъ его пера повѣсти были началомъ того „важнаго благороднаго труда", о которомъ онъ смутно мечталъ еще на скамьѣ Нѣжинской гимназіи и который долженъ былъ его выдвинуть изъ среды обыкновенныхъ „существователей, задавившихъ корою ничтожнаго самодовольства высокое назначеніе человѣка"[1]). Эти же повѣсти сразу широко раскрыли ему двери въ литературный міръ и сблизили его съ лучшими представителями русскаго художественнаго слова.

Одно изъ первыхъ его знакомствъ и было именно съ Жуковскимъ. Объ этомъ обстоятельствѣ своей жизни впослѣдствіи Гоголь въ письмѣ къ Жуковскому вспоминалъ слѣдующимъ образомъ: „Вотъ уже скоро двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я, едва вступавшій въ свѣтъ юноша, пришелъ въ первый разъ къ тебѣ, уже совершившему полдороги на этомъ поприщѣ. Это было въ Шепелевскомъ дворцѣ... Ты подалъ мнѣ руку и такъ исполнился желаніемъ помочь будущему сподвижнику" (IV, 135). Знакомство съ Жуковскимъ было свѣтлымъ лучомъ, озарившимъ восторженной радостью омраченную душу Гоголя и окрылившимъ его поэтическій геній къ созданію новыхъ великихъ произведеній.

Принявъ съ чувствомъ благодарности поданную руку помощи, онъ съ особымъ вниманіемъ сталъ слѣдить за творческой дѣятельностью испытаннаго

[1]) Шенрокъ. Письма Гоголя, т. I, 68. 75. 89.

сподвижника. Гоголь еще на школьной скамьѣ привыкъ смотрѣть на Жуковскаго, какъ на корифея русской поэзіи. Съ личнымъ знакомствомъ этотъ взглядъ переходитъ въ твердое, сознательное убѣжденіе, и Гоголь съ искреннимъ восторгомъ привѣтствуетъ каждое новое произведеніе пѣвца земныхъ печалей и небесныхъ радостей, отмѣчая высокія ихъ поэтическія достоинства и указывая ихъ значеніе для русской литературы. За подтвержденіемъ этого обращаемся къ письмамъ Гоголя.

Осенью 1831 года онъ отправляетъ Жуковскому 1-й т. своихъ „Вечеровъ на хуторѣ“ и при этомъ пишетъ, что вновь появившіяся сказки поэта [1]) чуть не свели его съ ума: онѣ, по взгляду Гоголя, вмѣстѣ съ сказками Пушкина, послужатъ фундаментомъ для „огромнаго зданія чисто русской поэзіи“, зданія, которое закончатъ тѣ же зодчіе „на славу вѣкамъ“ [2]). Столь высокій взглядъ на творчество Жуковскаго отнюдь не былъ льстивымъ кажденіемъ сановитому поэту, черезъ котораго можно было удостоиться милостей Высочайшихъ Особъ. О тѣхъ же сказкахъ Гоголь вскорѣ писалъ своему школьному пріятелю Данилевскому, что онѣ несравненно выше прежнихъ произведеній Жуковскаго. „Жуковскаго, извѣщалъ онъ, узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэтъ и уже чисто русскій; ничего германскаго и прежняго“ (I, 196 ср. 201). Минуло шесть лѣтъ. Гоголь въ Баденъ—Баденѣ впервые прочиталъ плѣнительную повѣсть „Ундину“ и въ письмѣ къ одной изъ бывшихъ своихъ ученицъ называетъ это произведеніе чудомъ поэти-

[1]) Это были сказки: о царѣ Берендеѣ, Спящая царевна и Война мышей и лягушекъ.

[2]) I, 189.

ческаго творчества, высказывая наперед ъ увѣренность въ его обаятельномъ дѣйствіи на читателей [1]). Въ 1843 году Гоголь даже собственноручно переписываетъ переводную корсиканскую повѣсть Жуковскаго „Маттео Фальконе“ и посылаетъ ее Плетневу для его журнала „Современникъ“ [2]), а черезъ годъ ведетъ настойчивые переговоры о помѣщеніи въ „Москвитянинѣ“ двухъ новыхъ стихотворныхъ повѣстей Жуковскаго, заимствованныхъ изъ Рюккерта [3]).— Если съ такою любовію Гоголь останавливался на сравнительно второстепенныхъ работахъ Жуковскаго, то задуманный послѣднимъ переводъ „ Одиссеи“ надолго овладѣлъ вниманіемъ поэта, волнуя его душу самыми разнообразными чувствами. Онъ наперед ъ привѣтствуетъ данный трудъ и выражаетъ желаніе, чтобы эта дочь Жуковскаго, какъ самъ выражается, была поскорѣе отлучена отъ авторской груди вполнѣ взлѣлѣянною и воспитанною [4]). Дѣйствительность не только оправдала, а даже превзошла ожиданія нашего поэта. Къ 1845 году Жуковскій приготовилъ 12 пѣсней поэмы Гомера и въ рукописи познакомилъ съ ними Гоголя. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ послѣдній въ письмѣ къ другу своему поэту Языкову сообщаетъ, что переводъ этотъ рѣшительно есть вѣнецъ всѣхъ переводовъ, когда либо совершавшихся на свѣтѣ, и вѣнецъ всѣхъ сочиненій, когда либо сочиненныхъ Жуковскимъ“ (III, 11). Протекло четыре года, переводъ близился къ окончанію. Въ это время Гоголь находился въ Москвѣ и душой своей все болѣе и болѣе погружался въ пучину

---

[1]) I, 452.
[2]) II, 311. 338. 346. 347.
[3]) II, 540. 541. 566. 585.
[4]) II, 310. 311. 373.

нравственныхъ страданій. Извѣстіе объ окончаніи поэмы, а потомъ и появленіе ея въ печати освѣтило восторженной радостію его скорбную душу, заставило забыть сердечныя муки. Въ письмахъ къ Жуковскому и другимъ лицамъ онъ возвѣщаетъ, что поэма есть дорогой подарокъ всѣмъ тѣмъ, въ душахъ которыхъ не угасалъ священный огонь и у которыхъ сердце пріуныло отъ смутъ и тяжелыхъ явленій современныхъ (III, 232, ср. 244 и 255 стр.), при чемъ достоинство перевода весьма мѣтко опредѣлилъ въ слѣдующемъ замѣчаніи: „переводчикъ поступилъ такъ, что его не видишь: онъ превратился въ такое прозрачное стекло, что кажется, какъ бы нѣтъ стекла“ (IV, 303). Но получая самъ высокое наслажденіе отъ дивныхъ красотъ безсмертной поэмы, Гоголь сильно тревожился ожиданіемъ, насколько Одиссея придется по вкусу, какъ предметъ для чтенія, и опасался, что „большая часть публики, пожалуй, не только ея не разнюхаетъ, но даже и не примѣтитъ“. Желая какъ бы предупредить возможность равнодушнаго отношенія къ переводу Одиссеи, Гоголь пишетъ извѣстное вдохновенное письмо (помѣщенное въ „Перепискѣ съ друзьями“), въ которомъ всесторонне выясняетъ громадное значеніе поэмы и для цѣлыхъ обществъ людей и для каждаго человѣка въ отдѣльности. Опасенія Гоголя оказались не напрасны: переводъ былъ принятъ въ общемъ довольно холодно. Желая хоть чѣмъ нибудь выразить свое сочувствіе и излить утѣшеніе въ душу старца, Гоголь отправилъ ему слѣдующія строки: „Появленіе Одиссеи было не для настоящаго времени. Ее привѣтствовали уже отходящіе люди, радуясь и за себя самихъ, что еще могутъ чувствовать вѣчныя красоты Гомера, и за внуковъ своихъ, что имъ есть чтеніе свѣтлое, не отемняющее головы“

гр·3961

(IV, 287). Среди этихъ скорбныхъ размышленій о пріемѣ Одиссеи Гоголь высказываетъ даже предположеніе, что появившійся бы во время II-й т. его „Мертвыхъ душъ“, пожалуй, могъ послужить нѣкоторой ступенью къ чтенію Гомера и что названное его собственное произведеніе теперь врядъ ли можетъ даже и расчитывать на успѣхъ [1]).

Кромѣ этихъ частныхъ отзывовъ объ отдѣльныхъ произведеніяхъ Жуковскаго, Гоголь высказываетъ неоднократно и общіе взгляды на его поэтическую дѣятельность и значеніе ея въ русской литературѣ. Ко времени знакомства ихъ, поэтъ—романтикъ, по выраженію Гоголя, совершилъ уже полдороги на избранномъ поприщѣ, но его творчество, не смотря на упадокъ силъ и надвигавшуюся старость, все болѣе и болѣе крѣпло и разцвѣтало пышнѣе. „Богъ показалъ, писалъ онъ Жуковскому, надъ вами чудо, какое едва ли когда доселѣ случалось въ мірѣ: возрастаніе генія и восходящую съ каждымъ стихомъ и созданіемъ его силу, въ такой періодъ жизни, когда въ другомъ поэтѣ все это охладѣваетъ и мерзнетъ“ (III, 6, ср. 40). „(Ему одному, читаемъ въ письмѣ къ Плетневу, дано почувствовать свѣжесть молодости въ старческія лѣта и силу юности для дѣла поэтическаго“ (278). Сообразно такому взгляду на творческую дѣятельность Жуковскаго, Гоголь ставилъ его, выражаясь языкомъ ложноклассиковъ, на самой вершинѣ русскаго Парнаса. Смотря на большинство произведеній Жуковскаго, какъ на перлы русской поэзіи, онъ, какъ бы въ предвѣдѣніи будущаго, предсказываетъ, что со временемъ по нимъ, какъ по образцамъ, русское юношество въ школѣ

[1]) IV, 237 ср. 312.

будетъ знакомиться съ искусствомъ поэзіи [1]). Пророчество Гоголя, какъ извѣстно, не заставило долго ждать своего исполненія. Этого мало: 50 лѣтъ прошло со смерти творца „Свѣтланы“, а его стихотворенія по прежнему украшаютъ страницы нашихъ руководствъ и христоматій въ числѣ лучшихъ примѣровъ русскаго поэтическаго творчества.

Если Гоголь такъ высоко цѣнилъ талантъ и произведенія Жуковскаго, то не менѣе дорожилъ и взглядами его на свою собственную поэтическую дѣятельность. Да иначе и быть не могло. Жуковскому, а не другому кому онъ приписывалъ окончательное обращеніе свое на стезю служенія искусству. Вспоминая о началѣ своего знакомства съ нимъ, Гоголь писалъ: „Едва ли не со времени этого перваго свиданія нашего оно (т.-е. искусство) стало *главнымъ* и *первымъ* въ моей жизни, а все прочее вторымъ. Мнѣ казалось, что уже не долженъ я связываться никакими другими узами на землѣ, ни жизнію семейной, ни должностной жизнію гражданина, и что словесное поприще есть тоже служба“ (IV, 135). Поэтому то съ самыхъ первыхъ шаговъ своей литературной дѣятельности Гоголь избралъ Жуковскаго своимъ судьей и чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе внимательно (и особенно со смерти Пушкина) прислушивался къ голосу маститаго поэта. Изданный имъ 1-й т. „Вечеровъ“ онъ прежде всего посылаетъ Жуковскому, прося его переслать по экземпляру Пушкину и извѣстной любимицѣ нашихъ поэтовъ фрейлинѣ Россетъ [2]). Въ послѣдующее, затѣмъ, время Гоголь старается знакомить Жуковскаго съ своими произведеніями еще прежде появленія

[1]) III, 279, 494; IV, 139.

[2]) I, 188.

ихъ въ печати, конечно, съ цѣлію воспользоваться совѣтами и указаніями друга—поэта, раскрываетъ передъ нимъ самый ходъ своихъ работъ, дѣлится съ нимъ своими замыслами. Въ 1835 году, извѣщая Жуковскаго о своихъ путешествіяхъ по Россіи, онъ пишетъ: „Сюжетовъ и плановъ нагромоздилось во время ѣзды ужасное множество.... только десятая доля положена на бумагу и жаждетъ быть прочитанною вамъ. Черезъ мѣсяцъ я буду самъ звонить въ колокольчикъ у вашихъ дверей, крехтя отъ дюжей тетради“ (I, 348). Здѣсь Гоголь разумѣлъ свои комедіи: „Женитьба“ и „Ревизоръ“, надъ которыми онъ трудился въ данное время. Не мало тревогъ и непріятностей пришлось испытать ему при изданіи безсмертной комедіи и при постановкѣ ея на сценѣ. Разочарованный и огорченный нетерпимымъ отношеніемъ публики къ этому изображенію русской дѣйствительности, онъ рѣшается ѣхать за границу, чтобы „размыкать ту тоску, которую ежедневно наносятъ ему соотечественники“ и чтобы вдали глубже обдумать „свои обязанности авторскія, свои будущія творенія“. И вотъ, едва переступивъ русскую границу, онъ въ новой обстановкѣ чувствуетъ какъ бы внутреннее перерожденіе, о чемъ и спѣшитъ прежде всего повѣдать Жуковскому. „Львиную силу чувствую въ душѣ своей, пишетъ Гоголь изъ Гамбурга, и замѣтно слышу переходъ свой изъ дѣтства, проведеннаго въ школьныхъ занятіяхъ, въ юношескій возрастъ“; все же написанное до сихъ поръ онъ сравниваетъ съ давней тетрадью, „въ которой на одной страницѣ видно нерадѣніе и лѣнь, на другой нетерпѣніе и поспѣшность, робкая, дрожащая рука начинающаго и смѣлая замашка шалуна, вмѣсто буквъ, выводящая крючки“ (I, 384).

И дѣйствительно, совершившійся въ Гоголѣ подъемъ духовныхъ силъ сопровождался весьма плодотворной дѣятельностію по обработкѣ поэмы „Мертвыя души“. Въ цѣломъ рядѣ заграничныхъ писемъ онъ постоянно обращается къ этому своему труду, сообщая Жуковскому и то, что уже переходило на бумагу, и то, что еще только возникало въ душѣ. Работа шла съ рѣдкимъ успѣхомъ, предъ поэтическимъ взоромъ Гоголя развертывались все новыя картины русской жизни и избранный сюжетъ расширялся такъ, что вся Русь должна была явиться въ немъ. „Огромно велико мое твореніе, извѣщалъ онъ Жуковскаго, и не скоро конецъ его. Еще возстанутъ противъ меня новыя сословія и много разныхъ господъ; но что мнѣ дѣлать. Уже судьба моя враждовать съ моими земляками. Кто-то незримый пишетъ передо мной могущественнымъ жезломъ. Знаю, что мое имя послѣ меня будетъ счастливѣе меня, и потомки тѣхъ же земляковъ моихъ, можетъ быть, съ глазами влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моей тѣни“ (I, 415, 416).

Въ 1839 году Гоголь, во время пріѣзда своего изъ-за границы читаетъ Жуковскому, наряду съ прочими друзьями, первыя шесть главъ „Мертвыхъ душъ“. Въ письмахъ не сохранилось извѣстій, получилъ ли Гоголь въ данный разъ какіе либо совѣты и замѣчанія. Но только послѣ этого чтенія онъ, по собственнымъ словамъ, подвергъ свою работу значительной передѣлкѣ. Черезъ три года 1-й томъ „Мертвыхъ душъ“ былъ изданъ. Отправляя книгу Жуковскому, авторъ ему первому сообщаетъ, что она только незначительное начало дальнѣйшей работы. „Въ отношеніи къ послѣдующимъ частямъ она, писалъ Гоголь, все мнѣ кажется похожею на придѣланное губернскимъ архитекторомъ на-

скоро крыльцо къ дворцу, который задуманъ строиться въ колоссальныхъ размѣрахъ“ (II, 185 ср. 156). Если относительно прежнихъ своихъ произведеній Гоголь жаждалъ мнѣній Жуковскаго, то теперь сужденія послѣдняго были для него особенно дороги. Онъ настойчиво проситъ сообщить ему свои замѣчанія со всей строгостью и неумолимостью; неоднократно напоминаетъ ему объ этомъ, свидѣтельствуя, что тотъ одинъ только „можетъ сказать ему все, не останавливаясь какою-то внутреннею застѣнчивостью или боязнью—въ чемъ нибудь оскорбить авторское самолюбіе“ [1]). Прождавъ понапрасну цѣлые полгода, Гоголь въ отчаяніи взываетъ къ Жуковскому изъ Рима: „Отчего не хотите вы сказать ни слова о „Мер. Душ.“ моихъ, зная, что я горю и снѣдаемъ жаждой знать мои недостатки? Или вы разлюбили меня?“ (II,229). Только черезъ годъ полученъ былъ столь желанный отзывъ Жуковскаго, но, какъ можно видѣть изъ отвѣтнаго письма Гоголя, весьма краткій. Тѣмъ не менѣе онъ доставилъ неизъяснимую радость творцу поэмы, особенно же потому, что дано было обѣщаніе „поговорить при свиданіи объ этомъ предметѣ подробно“. Отъ личной бесѣды съ Жуковскимъ, Гоголь ждалъ весьмамногаго и заранѣе уже испытывалъ наслажденіе отъ той „ругани“, безъ которой, по его словамъ, дѣло не обойдется. „Обѣщаніемъ *похрить* многое, писалъ Н. В., вы меня сильно разлакомили. Я и прежде любилъ, когда меня побранивали, а теперь, просто, всякое слово упрека въ грѣхѣ для меня червонецъ“ (II, 296.297). Не извѣстно, въ чемъ заключался краткій отзывъ Жуковскаго и состоялся ли ожидаемый разговоръ. Для насъ важенъ фактъ пламеннаго желанія его замѣчаній. Гоголь получилъ вѣдь

[1]) II, 185. 187 ср. 168.

не мало отвѣтныхъ писемъ на свои запросы о поэмѣ, читалъ и журнальныя рецензіи присяжныхъ критиковъ. Но для него дорогъ былъ взглядъ Жуковскаго, поэтическое чутье котораго могло лучше подмѣтить слабыя мѣста произведенія, а искреннее расположеніе должно было побудить откровенно, безъ всякаго пристрастія высказаться о трудѣ близкаго человѣка.

Въ послѣдующихъ письмахъ еще яснѣе и опредѣленнѣе выражается вѣра Гоголя въ незыблемый авторитетъ Жуковскаго. Послѣ выхода въ свѣтъ 1-го тома „Мертвыхъ душъ“ въ публикѣ распространился слухъ о скоромъ появленіи и 2-го тома; утверждали даже, что будто бы Гоголь нѣкоторыя главы уже читалъ въ Римѣ близкимъ ему лицамъ; а услужливые пріятели поспѣшили напечатать объявленіе объ ожидаемомъ выходѣ книги. Всѣ такіе преждевременные толки доходили до Гоголя и сильно его волновали. Въ письмѣ къ С. Т. Аксакову онъ называетъ ихъ ложью и пустяками и къ этому добавляетъ: „прежде всего я бы прочелъ Жуковскому, если бы что-нибудь было готово“ (II, 330). Дѣйствительно, принявшись за созиданіе колоссальнаго дворца 2-го тома „Мертвыхъ душъ“, онъ неоднократно сообщаетъ Жуковскому о своемъ желаніи прочесть ему ту или иную часть этого труда, уже вылившагося изъ его души въ художественномъ словѣ. Работа, начатая было успѣшно, однако, затѣмъ стала прерываться все большими и большими замедленіями. Въ своихъ письмахъ къ Жуковскому Гоголь не скрываетъ, что эти замедленія происходили главнымъ образомъ отъ упадка въ немъ творческихъ силъ, хотя и не теряетъ надежды на успѣшное окончаніе поэмы, и во временныхъ остановкахъ видитъ лишь залогъ дальнѣйшей плодо-

творной работы [1]). Но чѣмъ далѣе, тѣмъ этотъ упадокъ все болѣе и болѣе отрывалъ поэта отъ его труда. Въ одинъ изъ такихъ періодовъ ослабленія творческой дѣятельности Гоголь издалъ извѣстную книгу: „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“. Книга вызвала цѣлую бурю негодованія и злобы; авторъ получилъ массу писемъ и критическихъ отзывовъ съ самыми рѣзкими обличеніями и укоризнами. Сбитый съ толку озлобленнымъ отношеніемъ къ „Письмамъ“, изданнымъ съ доброй цѣлью, до глубины души огорченный обидными подозрѣніями товарищей, Гоголь надѣется получить утѣшеніе и разъясненіе въ справедливомъ, но спокойномъ словѣ Жуковскаго, этого истиннаго своего наставника и учителя, который, какъ онъ свидѣтельствуетъ въ одномъ изъ писемъ, не разъ спасалъ его отъ неразумныхъ литературныхъ шаговъ, въ то время какъ другіе пріятели торопили изданіемъ произведеній [2]). Враждебное отношеніе публики къ „Перепискѣ“ Гоголь объясняетъ Жуковскому тѣми урѣзками и измѣненіями, которыя слишкомъ безцеремонно сдѣлала въ его книгѣ цензура. Надежды Гоголя оправдались и на этотъ разъ. Въ отвѣтномъ письмѣ Жуковскій „кротко, безъ негодованія подалъ ему братскую руку свою“, раскрылъ глаза на крайности и слабыя мѣста „Переписки“ и заставилъ автора чистосердечно сознаться, что, принявъ на себя роль моралиста, онъ зашелъ слишкомъ далеко. „Появленіе книги моей, писалъ Гоголь, отразилось точно въ видѣ какой-то оплеухи: оплеуха публикѣ, оплеуха друзьямъ моимъ и, наконецъ

[1]) III, 126. 156. 208; ср. IV, 281. 286. 292. 408.

[2]) Собраніе сочиненій, изд. Маркса. VII, 39. Ср. Письма, IV, 199.

еще сильнѣйшая оплеуха мнѣ самому. Послѣ нея я очнулся, точно какъ будто послѣ какого то сна, чувствуя какъ провинившійся школьникъ, что напроказилъ больше того, чѣмъ имѣлъ намѣреніе. Я размахнулся въ моей книгѣ, писалъ онъ, такимъ Хлестаковымъ, что не имѣлъ духу заглянуть въ нее. Но тѣмъ не менѣе книга эта отнынѣ будетъ лежать всегда на столѣ моемъ, какъ вѣрное зеркало, въ которое мнѣ слѣдуетъ глядѣться, для того чтобы видѣть все свое неряшество и меньше впередъ грѣшить" (III, 398). Особенно же его обрадовало намѣреніе Жуковскаго выпустить въ печати цѣлый рядъ писемъ по поводу „Переписки". Письма эти, по взгляду Гоголя, помимо полезныхъ уроковъ ему самому, должны были примиряющимъ образомъ подѣйствовать на публику, потому что послѣ этой книги всѣ, какъ писалъ ея авторъ, находятся въ положеніи неспокойномъ, а многіе недоумѣваютъ просто, куда пристать, не умѣя согласить многихъ повидимому противоположныхъ вещей, отъ той рѣзкости, съ какой онѣ выражены (III, 398). Вѣроятно, подъ вліяніемъ этихъ писемъ Гоголь затѣмъ пришелъ къ убѣжденію, что не только тонъ „Переписки", но и изданіе ея было съ его стороны ошибкой, и это свое убѣжденіе повѣдалъ Жуковскому въ слѣдующихъ словахъ: „Не смотря на пристрастіе сужденій объ этой книгѣ и разномысліе ихъ, въ итогѣ мнѣ послышался общій голосъ, указавшій мнѣ мѣсто мое и границы, которыхъ я, какъ писатель, не долженъ переступать. Въ самомъ дѣлѣ, не мое дѣло поучать проповѣдью. Мое дѣло говорить живыми образами, а не разсужденіями, я долженъ выставить жизнь лицомъ, а не трактовать о жизни" (IV, 139 ср. 152). Мысли его снова обращаются

къ „Мертвымъ душамъ", которыми онъ намѣренъ крѣпко заняться, совершивъ путешествіе въ Палестину, и надъ которыми продолжаетъ трудиться вплоть до той роковой ночи, когда предано было огню все сокровище, добытое путемъ тяжелыхъ думъ и многихъ скорбей. Кто знаетъ: будь бы вблизи Гоголя Жуковскій, которому онъ желалъ прежде другихъ повѣдать тайну своего труда, быть можетъ, это произведеніе, оцѣненное другомъ—поэтомъ, не имѣло бы столь печальнаго конца.

Въ послѣдніе годы жизни, когда Гоголь все болѣе и болѣе порывалъ свои связи съ міромъ, къ Жуковскому онъ продолжалъ неизмѣнно тяготѣть самыми теплыми чувствами. Въ письмѣ изъ Іерусалима онъ ставитъ свою поэтическую дѣятельность въ тѣсную неразрывную связь съ таковой же дѣятельностью Жуковскаго, какъ служеніе одной цѣли и съ одинаковымъ взглядомъ на удѣлъ писателя. „Уже успѣлъ, пишетъ Гоголь изъ Вѣчнаго города, произнесть твое имя у Гроба Господня. О, да поможетъ намъ Богъ и тебѣ и мнѣ собрать всѣ силы наши на произведеніе твореній, нами несенныхъ въ глубинѣ душъ нашихъ, въ добро земли нашей "(IV, 172, 173). Истинный же удѣлъ писателя—по взгляду Гоголя—оставаясь въ своемъ служеніи родинѣ вѣрнымъ до конца дней всему высокому, прекрасному, „умереть съ пѣньемъ на устахъ" (IV, 202 ср. 196. 367). Поэтому-то за нѣсколько дней до своей кончины онъ просилъ Жуковскаго объ одномъ только, о томъ, что для него было всего дороже на землѣ, ради чего онъ цѣнилъ и самую жизнь свою: „Помолись..., дабы я хоть сколько-нибудь былъ удостоенъ пропѣть гимнъ красотѣ небесной" (IV, 422).

Вотъ этотъ-то взглядъ на служеніе поэта всему высокому, прекрасному, какъ на служеніе родной землѣ, и былъ главнымъ звеномъ, связывавшимъ Гоголя неразрывными узами съ Жуковскимъ.

Изнывая на смертномъ одрѣ отъ скорбей и болѣзней, великій писатель могъ имѣть для своей души отрадное успокоеніе въ томъ, что есть близкое лицо, которое видѣло весь его земной скорбный путь, знало сокровенное его души и могло повѣдать міру о *незримыхъ, невѣдомыхъ слезахъ* его *горькаго смѣха*.

Но Жуковскому не суждено было явиться истолкователемъ глубокаго смысла и значенія творчества Гоголя. Въ это время онъ на чужбинѣ тоже сводилъ расчеты съ жизнію и, будучи неразлучнымъ спутникомъ Гоголя на поприщѣ поэзіи, вскорѣ вслѣдъ же за другомъ переселился въ невидимый міръ.

Иной пѣвецъ излилъ русскую скорбь надъ свѣжей могилой Гоголя и въ то время, какъ ревностные не по разуму охранители гражданскаго спокойствія считали опаснымъ произносить вслухъ самое имя этого великаго страдальца и истиннаго христіанина, онъ въ пламенномъ письмѣ повѣдалъ родной землѣ тяжесть понесенной утраты слѣдующими знаменательными словами: „Гоголь такъ глубоко зналъ и такъ любилъ, такъ горячо любилъ Россію, что одни легкомысленные или близорукіе люди не чувствуютъ присутствія этого любовнаго пламени въ каждомъ имъ сказанномъ словѣ“! Этимъ печальникомъ былъ творецъ „Записокъ охотника“. Тургеневъ вкупѣ съ плеядой славныхъ сверстниковъ, вступившихъ на дорогу, указанную Гоголемъ, своими чудными произведеніями наглядно затѣмъ показали, какое великое

дѣло свершилъ онъ для родины. Пышные цвѣты русской поэзіи, ароматомъ которыхъ мы теперь наслаждаемся, выросли вѣдь на почвѣ, воздѣланной творцемъ „Мертвыхъ душъ“.

Миръ его праху, вѣчная память его многострадальной жизни, вѣчная слава его великому имени!

Приложеніе 3-е.

Жизнь и поэзія Жуковскаго.

(Рѣчь дѣйств. члена В. А. ПУЗИЦКАГО).

Мм. Гг.!

„Жалкій народъ, для котораго не существуетъ прошедшаго, исторіи"—сказалъ Пушкинъ.

Нашъ народъ, напротивъ, теперь уже твердо стоитъ на вѣрномъ пути своего самостоятельнаго національнаго развитія и въ послѣднее время чаще и чаще обращаетъ свои взоры назадъ, на свое прошлое, богатое историческими событіями и именами славныхъ общественныхъ дѣятелей.

3 года тому назадъ мы всѣ были свидѣтелями того, какъ живо и радостно волновался русскій народъ, чествуя память Пушкина, лучшаго своего представителя на поприщѣ слова, величайшаго дара, даннаго въ удѣлъ лишь человѣку.

3 мѣсяца тому назадъ мы вспоминали Гоголя, сильный поэтическій талантъ котораго положилъ начало новому направленію въ нашей литературѣ.

Нынѣ Россія чествуетъ память Василія Андреевича Жуковскаго, жизнь и поэтическое творчество котораго, сливаясь вмѣстѣ, рисуютъ намъ прекрасный образъ одного изъ лучшихъ сыновъ родины.

„Жизнь и поэзія—одно", сказалъ самъ поэтъ.

И дѣйствительно, жизнь Жуковскаго всецѣло отразилась въ его поэтическомъ творчествѣ; въ его произведеніяхъ обнаружилось проявленіе внутреннихъ тихихъ волненій тосковавшей его души.

Жуковскій былъ сынъ русскаго помѣщика Бунина и плѣнной турчанки Сальхи. Получивъ отчество и фамилію отъ своего воспріемника Андрея Григорьевича Жуковскаго, Василій Андреевичъ рано сталъ чувствовать свое ложное и тяжелое положеніе. Мать его въ домѣ Буниныхъ, какъ была, такъ и осталась на положеніи служанки, не смѣвшей въ присутствіи господъ садиться; ей только изрѣдка удавалось приласкать своего сына. Мальчикъ видѣлъ это, и въ его душу рано стало закрадываться горестное чувство. На дѣтскихъ годахъ легла тѣнь, которая не исчезла въ теченіе всей его жизни. Свободныя проявленія сыновняго чувства у Жуковскаго были стѣснены въ его нѣжномъ возрастѣ, когда душа проситъ материнской ласки. Этимъ объясняется та глубокая потребность ласковыхъ, задушевныхъ отношеній, которая жила постоянно въ сердцѣ поэта, и выраженіемъ которой явились его искреннія и трогательныя стихотворенія.

Въ этихъ далекихъ, но могучихъ впечатлѣніяхъ дѣтства, рѣзкими чертами запечатлѣвшихся въ душѣ Жуковскаго, нужно искать не мало причинъ тѣхъ меланхолическихъ произведеній, которыми изобилуетъ его поэзія. Рано начавъ задумываться надъ невзгодами жизни, Жуковскій погружался въ думы, полныя тихой печали. Эти грустныя думы, навѣянныя обстоятельствами его жизни, окрасили въ меланхолическій цвѣтъ и всю его поэзію.

Дѣтство Жуковскаго протекло въ богатомъ барскомъ домѣ, въ селѣ Мишенскомъ, въ 3-хъ вер-

стахъ отъ Бѣлева, уѣзднаго города Тульской губерніи. Прекрасная мѣстность родины поэта развила въ немъ любовь къ природѣ. Огромный садъ съ вѣковыми деревьями, невдалекѣ отъ него дубовая роща, ручеекъ въ долинѣ, виднѣвшіеся изъ дома и сада луга и нивы, село съ бѣлою церковью — всѣ эти родныя картины благотворно вліяли на впечатлительнаго мальчика, настраивая его чувства къ мирному наслажденію красотой русской природы; у него и тогда уже, хотя и неясно, пробуждалось поэтическое вдохновеніе. О колыбели своего дѣтства поэтъ сохранилъ трогательное воспоминаніе на всю жизнь. Кто не помнитъ этихъ прекрасныхъ его строкъ:

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Дѣтство и юность поэтъ провелъ въ семействѣ Бунина, состоявшемъ почти исключительно изъ женщинъ, его сестеръ и племянницъ по отцѣ, которыя всѣ очень любили Жуковскаго и заботились о его воспитаніи. Это прекрасное женское общество, отличавшееся религіозностію, чуткостью и восторженностію, отвратило Жуковскаго отъ всего грубаго и повліяло на развитіе въ немъ набожности, благородства и нѣжности чувства, служившихъ отличительными чертами и характера поэта и его твор-

чества. Въ теченіе всей жизни онъ искалъ лишь чистыхъ наслажденій, возвышающихъ душу, и удалялся отъ всего, что могло оскорбить его идеалъ душевной чистоты.

Пролетѣвшая дивнымъ сномъ ранняя пора жизни оставила въ душѣ поэта также неизгладимое свѣтлое воспоминаніе о тѣхъ, которые были дороги его сердцу. Послѣдующая, болѣе живая умственная жизнь въ Москвѣ и Петербургѣ не могла заглушить въ Жуковскомъ того, съ чѣмъ онъ сроднился во дни юности: впослѣдствіи мечта поэта во многихъ его произведеніяхъ летитъ къ этому прекрасному минувшему.

Минувшихъ дней очарованье,
Зачѣмъ опять воскресло ты?
Кто разбудилъ воспоминанье
И замолчавшія мечты?
О милый гость, святое прежде,
Зачѣмъ въ мою тѣснишься грудь?
Могу ль сказать: живи, надеждѣ?
Скажу ль тому, что было, будь?..
Зачѣмъ душа въ тотъ край стремится,
Гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ?
Пустынный край не населится,
Не узритъ онъ минувшихъ лѣтъ...

Въ московскомъ „благородномъ университетскомъ пансіонѣ“, куда опредѣлили Жуковскаго для продолженія образованія, начался второй періодъ его жизни, имѣвшій важное для поэта значеніе: здѣсь онъ сблизился со многими товарищами (Тургеневыми, Дашковымъ, Уваровымъ и др.), впослѣдствіи извѣстными общественными дѣятелями; здѣсь въ слушаніи курса наукъ, въ общеніи съ товарищами, въ дѣятельности литературнаго общества, основан-

наго воспитанниками, въ чтеніи и разборѣ образцовъ отечественной и иностранныхъ литературъ, обогащался умъ Жуковскаго новыми свѣдѣніями, вырабатывался даръ слова, изощрялась наблюдательность его—все это повліяло на пробужденіе и развитіе той творческой силы, которая еще съ дѣтства таилась въ душѣ поэта.

Поступивъ, по окончаніи образованія, на службу въ московскую контору Соляныхъ дѣлъ, Жуковскій, найдя такія служебныя занятія для себя неподходящими, чрезъ годъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ родное село Мишенское. Тамъ, среди дорогихъ своихъ друзей, онъ тихо жилъ, всецѣло посвятивъ себя самообразованію. Русская литература того времени была скудна—она никого не могла удовлетворить. Жуковскій близко знакомится съ оригинальными произведеніями французской, англійской и въ особенности нѣмецкой литературы. Впослѣдствіи, въ кружкѣ извѣстныхъ тогдашнихъ ученыхъ и литераторовъ, онъ удивлялъ всѣхъ своею начитанностію и образованіемъ.

Здѣсь же, въ Мишенскомъ, началась въ это время и поэтическая дѣятельность Жуковскаго. Несмотря на свѣтлую, тихорадостную жизнь мишенскаго общества, онъ нерѣдко погружался душой въ иной міръ; его занимали мысли о смерти, о „тщетѣ всего земного“. Такое настроеніе поэта, между прочимъ, отразилось въ прекрасномъ вольномъ переводѣ меланхолической элегіи Грея „Сельское кладбище“.

Это произведеніе сначала получило одобреніе отъ юныхъ друзей Жуковскаго, живыхъ свидѣтелей его поэтическаго творчества. Затѣмъ стихи были отосланы въ Москву къ Карамзину. Съ сердечнымъ

трепетомъ всѣ въ Мишенскомъ стали ожидать приговора знаменитаго литератора. Произведеніе, отличающееся прекраснымъ описаніемъ картинъ природы, благозвучіемъ и плавностію стиха, Карамзинъ похвалилъ и напечаталъ его въ „Вѣстникѣ Европы“ (1802 г.). Радость поэта и всего мишенскаго общества была невыразима!..

Одна изъ сестеръ Жуковскаго по отцѣ, Екатерина Аѳанасьевна Протасова, овдовѣвъ, поселилась въ Бѣлевѣ, гдѣ скромно проживала съ дочерьми, посвятивъ себя всецѣло заботамъ о ихъ воспитаніи. Видя разстроенныя дѣла Екатерины Аѳанасьевны, Жуковскій по добротѣ своего сердца предложилъ свои услуги въ дѣлѣ образованія ея дочерей. Составивъ обширный педагогическій планъ, онъ серьезно и усердно сталъ заниматься со своими племянницами по разнымъ предметамъ; особенное вниманіе было обращено на чтеніе и разборъ поэтическихъ произведеній русской и иностранныхъ литературъ. Преподаваніе Жуковскаго продолжалось около 3 лѣтъ. Въ эти-то годы тихой провинціальной жизни въ сердцахъ ученицъ поселилось дружеское влеченіе къ своему учителю, а въ мягкую, поэтическую душу ихъ наставника заронилось къ одной изъ нихъ, Маріи Андреевнѣ, то чувство, которое заставило его познать „горечь и сладость бытія“, какъ онъ самъ говорилъ.

Это нѣжное и глубокое чувство отразилось потомъ почти на всемъ творчествѣ поэта, придавъ ему искренній, задушевный и вмѣстѣ грустный характеръ. Много разъ потомъ мыслью и чувствомъ поэтъ уносился въ это прошлое, вызывавшее въ душѣ его

„тоску по благамъ прежнихъ лѣтъ“.

О дней моихъ весна, какъ быстро скрылась ты
Съ твоимъ блаженствомъ и страданьемъ—
вспоминалъ поэтъ.

Какъ часто о часахъ минувшаго минувшихъ
я мечтаю!
Но чаще съ сладостью конецъ воображаю:
Конецъ всему—души покой...

Опять ты здѣсь, мой благодатный Геній,
Воздушная подруга юныхъ дней;
Опять съ толпой знакомыхъ привидѣній
Тѣснишься ты, мечта, къ душѣ моей...
Приди жъ, о другъ, дай прежнихъ
вдохновеній,
Минувшею мнѣ жизнію повѣй,
Побудь со мной, продли очарованья,
Дай сладкаго вкусить воспоминанья.

Любовь, ты погибла, ты, радость, умчалась,
Одна о минувшемъ тоска мнѣ осталась!
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде, оживленнымъ.

О наша жизнь, гдѣ вѣрны лишь утраты,
Гдѣ милому мгновенье лишь дано,
Гдѣ скорбь безъ крылъ, а радости крылаты,
И гдѣ на вѣкъ минувшее одно...
Почто жъ мы здѣсь мечтами такъ богаты,
Когда мечтамъ не сбыться суждено?
Внимая гласъ надежды, намъ поющей,
Не слышимъ мы шаговъ бѣды грядущей.

Съ такою грустію вспоминалъ поэтъ объ этомъ времени впослѣдствіи, а пока ему представлялся теперь широкій просторъ мечтательности. Лучшія его мечты—сдѣлаться семьяниномъ.

„Только семьянинъ“, писалъ онъ, „можетъ быть истинно добрымъ и счастливымъ человѣкомъ. Свѣтъ называютъ театромъ; каждый изъ насъ въ одно время и дѣйствующій и зритель. Въ обществѣ называютъ тебя пріятнымъ, ласковымъ, забавнымъ. Говорю смѣло: умный, дѣятельный, любезный человѣкъ. Скажу ли: добрый и счастливый? Нѣтъ! я вижу тебя на сценѣ, въ уборѣ, въ минуту представленія; прельщаюсь однимъ наружнымъ, временнымъ твоимъ блескомъ... Хочу ли я совершенно узнать твой характеръ? Я долженъ послѣдовать за тобою во внутренность семейства. Семейство есть тихое, сокрытое отъ людей поприще, на которомъ совершаются самые благородные, самые безкорыстные подвиги добродѣтельнаго. Здѣсь человѣкъ одинъ: всѣ призраки исчезли; онъ дѣйствуетъ безъ свидѣтелей. Только здѣсь, а не въ одиночествѣ онъ можетъ быть добръ и счастливъ и благодарить судьбу. Молитва одного человѣка есть требованіе, молитва семьянина есть благодарность“.

Жуковскій, какъ видно, создалъ себѣ идеалъ тихаго и безоблачнаго счастія семейной жизни и всей душой стремился къ нему. Но судьбѣ не угодно было исполнить такое скромное желаніе поэта.

Мать Маріи Андреевны не только рѣшительно отказала ему въ рукѣ своей дочери, признавая этотъ бракъ невозможнымъ по родству, но и запретила ему и говорить о своемъ чувствѣ кому бы то ни было. Эта несчастная любовь Жуковскаго наложила свою печать на душевное его настроеніе и творчество. Теперь онъ ищетъ для чтенія и перевода все то, что соотвѣтствуетъ его собственному настроенію: чужая грусть вызываетъ у него живой откликъ. Среди поэтическихъ произведеній онъ на-

ходитъ и такія, въ которыхъ изображаются людская несправедливость, невольная отчужденность несчастнаго человѣка отъ общества, страданія въ одиночествѣ—чужіе образы обращаются у него въ созданіе собственнаго воображенія. И въ оригинальныхъ его произведеніяхъ теперь сильнѣе зазвучали грустныя ноты.

Но потерявъ надежду „найти счастье съ той, съ кѣмъ жребій не судилъ ему жизнь свою дѣлить“, поэтъ живетъ и дышитъ одною любовью къ дорогому существу; ея милый образъ рисуется ему во всѣхъ красотахъ природы, одну ее онъ видитъ въ чертахъ прекрасныхъ женщинъ.

Въ стихотвореніи, написанномъ ко дню Ангела Маріи Андреевны (1 апр. 1808 г.), ясно отражается его духовное настроеніе:

Мой другъ, хранитель, ангелъ мой,
О ты, съ которой нѣтъ сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой;
Но гдѣ для страсти выраженья?
Во всѣхъ природы красотахъ
Твой образъ милый я встрѣчаю;
Прелестныхъ вижу—въ ихъ чертахъ
Одну тебя воображаю.
Тобой и для одной тебя
Живу и жизнью наслаждаюсь.

Въ прекрасномъ стихотвореніи „Море“ поэтъ олицетворилъ свои чувства къ Маріи Андреевнѣ въ образѣ моря, которое живетъ любовью къ лучезарному небу.

Когда море спокойно, близко къ чистому небу, оно полно таинственности и сладостной жизни:

Безмолвное море, лазурное море,
Открой мнѣ глубокую тайну твою:

Что движетъ твое необъятное лоно?
Чѣмъ дышитъ твоя напряженная грудь?
Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далекое, свѣтлое небо къ себѣ?..
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто въ присутствіи чистомъ его;
Ты льешься его свѣтозарной лазурью,
Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горишь,
Ласкаешь его облака золотыя
И радостно блещешь звѣздами его.

Когда же черныя тучи покрываютъ небо, то море мучится подобно поэту, всякій разъ какъ имъ овладѣваютъ грустныя чувства вдали отъ милаго существа, при мысли о невозможности достигнуть идеала счастія:

Когда же сбираются темныя тучи,
Чтобъ ясное небо отнять у тебя,
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезаетъ, и тучи уходятъ;
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты, небомъ любуясь, дрожишь за него.

Теперь духовная жизнь Жуковскаго ставится имъ въ еще болѣе тѣсную связь съ поэзіей, которой онъ, какъ искренній лирикъ, повѣрялъ свои грустныя мысли и чувства. Съ этого времени романтизмъ въ жизни и творчествѣ поэта сказывается сильнѣе. При невозможности достигнуть счастія въ настоящемъ, почувствовавъ недовольство земною жизнію съ ея суетою и будничнымъ интересомъ, Жуковскій, какъ и романтики Запада, обратилъ свои духовные взоры на прошлое и будущее: настоящее теперь для поэта не существуетъ, онъ весь отдался воспоминаніямъ о прошедшемъ и надеждѣ на буду-

щее—все лучшее, свѣтлое въ жизни онъ надѣется получить тамъ, въ загробномъ мірѣ. Изображая какъ въ оригинальныхъ своихъ произведеніяхъ, такъ и переводныхъ, бренность, проходимость всего земного, Жуковскій устремляется за идеаломъ въ другой міръ, таинственный, небесный. Но ограниченному уму и чувству поэта, какъ и всякаго другого человѣка, недоступно достиженіе этого духовнаго міра, почему и стремленія его отличаются мечтательностію и туманностію.

Поэтъ сталъ жить вѣрой. Онъ вѣрилъ въ побѣду добра надъ зломъ, въ родство душъ, въ счастіе въ будущемъ, въ вѣчную любовь, не умирающую и за гробомъ. Обращаясь къ той, которая влекла къ себѣ умъ и чувство его, онъ говоритъ:

О милый другъ, теперь съ тобою радость!
А я одинъ—и мой печаленъ путь;
Живи, вкушай невинной жизни сладость,
Въ душѣ не измѣнись, достойна счастья будь...
Но не отринь, въ толпѣ плѣняемыхъ тобою,
Ты друга прежняго, увядшаго душою;
Веселья ихъ дѣли – ему отрадой будь;
Его, мой другъ, не позабудь.
О милый другъ, пусть будетъ прахъ холодный
То сердце, гдѣ любовь къ тебѣ жила:
Есть лучшій міръ, тамъ мы любить свободны,
Туда моя душа ужъ все перенесла,
Туда всечасное влечетъ мое желанье,
Тамъ свидимся опять, тамъ наше воздаянье;
Сей вѣрой сладкою полна въ разлукѣ будь—
Меня, мой другъ, не позабудь.

Живя этой „сладкой вѣрой“ въ лучшее будущее, поэтъ не имѣлъ однако желанія и намѣренія покинуть родныя мѣста, гдѣ онъ часто видался съ

Маріей Андреевной, читалъ, переводилъ вмѣстѣ съ ней, писалъ ей стихи. Такъ проходило время. Было 3 августа 1812 года. Въ домѣ Плещеева собрались праздновать день рожденія хозяина; среди добрыхъ знакомыхъ котораго были Протасова съ дочерьми и Жуковскій. На домашней сценѣ давали оперу, сочиненіе гостепріимнаго хозяина; оживленная, полная остроумія бесѣда смѣнялась пѣніемъ. Выступилъ и Жуковскій. Онъ, тогда еще молодой поэтъ, пѣлъ съ глубокимъ чувствомъ, въ присутствіи Маріи Андреевны, свое новое задушевное стихотвореніе, положенное на музыку Плещеевымъ:

Вихремъ бѣдствія гонимый,
Безъ кормила и весла,
Въ океанъ неисходимый
Буря челнъ мой занесла...
Въ тучахъ звѣздочка свѣтилась,
„Не скрывайся“—я взывалъ;
Непреклонная сокрылась...
Якорь былъ—и тотъ пропалъ!..

Для Екатерины Аѳанасьевны Протасовой было ясно, что Жуковскій въ этомъ стихотвореніи говоритъ о своихъ чувствахъ къ ея дочери. Это было нарушеніемъ обѣщанія, даннаго поэтомъ, никому не говорить о своей привязанности къ Маріи Андреевнѣ. На слѣдующій день Жуковскій долженъ былъ оставить родныя мѣста... И онъ уѣхалъ.

Въ то время вторгшійся съ полмилліонной арміей Наполеонъ громилъ Россію; какъ бурные потоки, неслись по русской землѣ разноязычныя племена, все истребляя и разрушая на пути своемъ. Казалось, судьба Россіи должна была рѣшиться разгромомъ и рабствомъ... Но возсталъ русскій народъ на защиту родины, поднялись сыны ея самоотвер-

женно, какъ и всегда, навстрѣчу врагу. Среди защитниковъ отечества мы видимъ и Жуковскаго. Онъ тотчасъ вступилъ въ московское ополченіе, былъ свидѣтелемъ ужасной Бородинской битвы, и его душа, всегда кроткая, теперь загорѣлась гнѣвомъ. Потрясенный сердечнымъ горемъ, поэтъ тутъ же, въ лагерѣ, наканунѣ сраженія при Тарутинѣ, въ виду страшнаго врага, подъ стоны раненыхъ, среди молитвъ о сраженныхъ на полѣ брани, изливаетъ свои чувства въ преисполненномъ патріотизма вдохновенномъ стихотвореніи „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“. Онъ въ немъ взываетъ къ мести гордому завоевателю:

Въ рядахъ отечественной рати
Пѣвецъ, по слуху знавшій бой,
Стоялъ онъ съ лирой боевой
И мщенье пѣлъ для ратныхъ братій!

Вдохновенное стихотвореніе, какъ чудно-живительный, свыше раздавшійся голосъ, приводило въ восторгъ современныхъ читателей, быстро разошлось въ тысячахъ списковъ сначала по войску, а потомъ и по всей Россіи. Одушевленные стихи достигли и Двора. Когда Дмитріевъ поднесъ стихотвореніе Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, то она, прочитавъ его, приказала просить автора доставить ей экземпляръ стиховъ, собственноручно имъ переписанный, и приглашала его въ Петербургъ. Поэтъ, конечно, немедленно отправилъ требуемое, приложивъ посвященіе, начинающееся словами:

„Мой слабый даръ царица одобряетъ“...

Однако отъ почестей на этотъ разъ скромный поэтъ уклонился.

Государыня приказала издать стихотвореніе на ея счетъ въ 1200 экземплярахъ и съ этого

времени навсегда сдѣлалась покровительницей Жуковскаго.

Только чрезъ 3 года поэтъ пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ представленъ Императрицѣ. Вскорѣ его личныя качества и обширное образованіе обратили на себя вниманіе Царствующихъ Особъ, и онъ въ 1817 году назначается преподавателемъ русскаго языка для великой княгини (впослѣдствіи императрицы) Александры Ѳеодоровны, а въ 1825 году наставникомъ великаго князя Александра Николаевича, будущаго Царя-Освободителя.

Для Жуковскаго начинается новая жизнь: къ поэтической дѣятельности присоединяется педагогическая. Ему поручено важное дѣло. Онъ самъ сознавалъ это и писалъ такъ: „Я сдѣлался наставникомъ наслѣдника престола. Какая забота и отвѣтственность! Чувствую ея великость и всѣми силами стремлюсь къ ней. Занятій множество. Надобно учить и учиться“!

И личное душевное горе Жуковскаго не помѣшало ему совершить важное общественное дѣло. Онъ составилъ обширный планъ воспитанія и образованія наслѣдника престола. Высшую цѣль своихъ педагогическихъ трудовъ онъ видѣлъ въ томъ, что еще раньше, въ поэтическомъ вдохновенномъ прозрѣніи, предсказалъ въ привѣтствіи великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ въ день рожденія ея сына Александра Николаевича:

Лѣта пройдутъ,—подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ,
Да славнаго участникъ славный будетъ,

Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ!
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать—
Вотъ правила царей великихъ внуку.

Жуковскій свои обширныя познанія, всю свою душу вложилъ въ дѣло образованія своего царственнаго воспитанника. Съ неослабнымъ усердіемъ и съ невозмутимо яснымъ духомъ онъ велъ учебныя занятія; онъ излагалъ ему и обязанности царя въ прекрасныхъ наставленіяхъ: „Уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ“; „люби и распространяй просвѣщеніе“; „люби правосудіе, ибо въ немъ и милосердіе царей и свобода народовъ“.

Отъ сердца исходившія слова и доходили до сердца: высоконравственный Жуковскій заронилъ въ душу своего воспитанника въ тѣ годы, когда особенно глубоко воспринимаются впечатлѣнія, заронилъ тѣ добрыя сѣмена, которыя дали благородные всходы и плоды въ освободительныхъ реформахъ Императора Александра II: въ нихъ вѣялъ духъ гуманнаго наставника.

Будучи вдохновеннымъ идеалистомъ, Жуковскій въ то же время былъ и дѣятельнымъ христіаниномъ въ своей жизни. Современники единогласно свидѣтельствуютъ о его необыкновенной добротѣ, гуманности, сердечной отзывчивости. Словомъ и дѣломъ онъ былъ всегда готовъ прійти на помощь всякому. Съ душой благородной, неспособною завидовать, Василій Андреевичъ сочувственно относился къ талантамъ родныхъ поэтовъ; онъ скромно склонялъ свою голову предъ Пушкинымъ, геніемъ рус-

ской поэзіи... Кому неизвѣстны его добрыя отношенія къ Пушкину, котораго онъ не разъ спасалъ отъ бѣды; къ Гоголю, которому онъ оказывалъ разныя услуги; къ Шевченку, освободившемуся отъ крѣпостной зависимости благодаря ему; къ Кольцову, встрѣтившему сочувственную поддержку своему творчеству прежде всего со стороны Жуковскаго. Конечно, онъ не забывалъ никого изъ своихъ родственниковъ: многимъ изъ нихъ онъ оказывалъ помощь и нравственную и матеріальную.

Поэтъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ не только добрыми качествами своей души, но и наружностію. Густые, длинные, черные волосы, пріятная улыбка, умные большіе глаза, какая-то особенная мечтательность во взглядѣ—все это дѣйствовало притягательно на окружавшихъ его. Къ нему льнули и дѣти, которыя болѣе взрослыхъ чутки въ распознаваніи добрыхъ людей. На лѣстницѣ его квартиры всегда толпились бѣдные... Иногда его добротой и злоупотребляли, но когда ему указывали на это, онъ говорилъ:

„Э, господа, не браните его: бѣдность и не до того доводитъ“.

Занимая высокое положеніе, Жуковскій остался прежнимъ, до конца жизни сохранилъ свою привѣтливость и доступность для всѣхъ. Отъ него вѣяло чѣмъ-то патріархальнымъ, мирнымъ и ласковымъ. Даже въ области поэтическаго его творчества мы не находимъ ничего грубаго, что могло бы оскорбить наше чувство. У него и юморъ не ядовитый, а изрѣдка встрѣчается лишь легкое, добродушное осмѣяніе недостатковъ другого. Вспомнимъ одно изъ немногочисленныхъ его юмористическихъ стихотвореній, заключающее въ себѣ сатиру на одного

вельможу (гр. Хвостова), который, не обладая никакимъ поэтическимъ даромъ, писалъ неуклюжіе стихи и очень ими восхищался. Вотъ начало этого стихотворенія:

Однажды нашъ поэтъ Пестовъ,
Неутомимый ткачъ стиховъ
И Аполлоновъ жрецъ упрямый,
Съ какою-то ученой дамой
Сидѣлъ, о риѳмахъ разсуждалъ,
Свои творенья величалъ,
Лишь древнихъ сравнивалъ съ собою
И вздоръ свой клюквенной водою,
Кобенясь въ креслахъ, запивалъ.

Въ 1841 году, окончивъ службу при Дворѣ, Жуковскій отправился за границу для поправленія своего здоровья. И только теперь, когда ему было уже 57 лѣтъ, осуществилось для него то счастіе, о которомъ онъ мечталъ во дни молодости. Онъ женился. За границей, въ семействѣ давнишняго своего знакомаго, художника Рейтерна, онъ встрѣтилъ дочь его, 18-ти-лѣтнюю дѣвушку, оказавшуюся восторженной поклонницей имени Жуковскаго, какъ поэта. Нервная, чрезвычайно мечтательная, склонная къ мистицизму, она окружила Жуковскаго ореоломъ и поэтическимъ вѣнцомъ, обнаруживъ чувство привязанности къ нему. Теперь одиночество кончилось: нашлось любящее молодое существо, готовое сдѣлаться спутницей послѣднихъ лѣтъ жизни поэта.

„За четверть часа до рѣшенія судьбы моей“, писалъ Жуковскій, „у меня и въ умѣ не было почитать возможнымъ, а потому и желать того, что теперь составляетъ мое истинное счастіе. Оно подошло ко мнѣ безъ моего вѣдома, безъ моего знанія,

послано свыше, и я съ полною вѣрою въ него, безъ всякаго колебанія, подалъ ему руку".

Для поэта на закатѣ его дней началось мирное семейное счастіе, но скоро въ него, какъ онъ самъ говорилъ, „вплелись тернія". Въ этотъ послѣдній періодъ жизни поэта было не мало печальныхъ для него дней: жена страдала разстройствомъ нервъ, и его посѣщали болѣзни; старость давала себя чувствовать; по временамъ томила его тихая тоска по любимой родинѣ—все это отзывалось въ чуткой душѣ поэта. Въ минуты такого печальнаго настроенія онъ сильно грустилъ, то боясь потерять свое счастіе, то сокрушаясь о своей грѣховности, то размышляя о суетѣ всего земного. Утѣшеніе и отраду онъ находилъ лишь въ религіи, въ живой вѣрѣ въ Промыслъ Божій; онъ любилъ повторять:

„Все въ жизни—къ прекрасному средство,
И горе и радость—все къ цѣли одной".

Въ это время появилось его превосходное стихотвореніе „Выборъ креста", представляющее отвѣтъ на жалобы о тяжести креста, доставшагося на долю самого Жуковскаго. Поэтъ въ образѣ усталаго путника жалуется предъ Богомъ, что крестъ, который онъ несетъ, слишкомъ тяжелъ для него. Но вотъ онъ видитъ предъ собой множество крестовъ различной величины, и слышится голосъ свыше:

Предъ тобою всѣ кресты земные
Здѣсь собраны; какой ты самъ изъ нихъ
Захочешь взять, тотъ и возьми!

Перебравъ всѣ кресты, оказавшіеся слишкомъ тяжелыми, путникъ выбралъ наконецъ простой, ранѣе имъ не замѣченный, и сказалъ: „Господи! позволь мнѣ взять этотъ крестъ". И что же? Онъ взялъ тотъ самый крестъ, который и раньше несъ.

Найдя утѣшеніе въ вѣрѣ и терпѣніи, Жуковскій далекъ былъ отъ гнетущей тоски, отъ презрѣнія къ жизни; его душевная грусть не переходитъ въ отчаяніе, но заканчивается примиряющимъ аккордомъ: въ немъ живетъ надежда на лучшее будущее, покорность волѣ Провидѣнія; въ грустномъ, скорбномъ тонѣ его поэзіи слышатся терпѣніе и твердость въ перенесеніи житейскихъ невзгодъ... Проведя послѣдніе годы за границей, онъ не оставлялъ поэтической дѣятельности. Его и въ старости не покидали стремленіе къ идеальной красотѣ, жажда высшаго счастія, тихая надежда на блаженство тамъ, въ загробномъ мірѣ. Когда наступали для него свѣтлыя минуты душевнаго покоя, онъ занимался древней литературой, погружался въ первобытную эпическую поэзію, которая, какъ онъ говорилъ, „тиха, свѣтла, мирно украшаетъ все окружающее, не тревожитъ и не стремитъ ни въ какую темную даль“.

Проживая за границей, онъ все время надѣялся вернуться на родину. Но ему не суждено было увидѣть

„Родного неба милый свѣтъ“.

12 апрѣля 1852 года поэтъ, на 70-мъ году жизни, тихо и спокойно скончался въ Баденъ-Баденѣ; тѣло его было привезено на родину, прахъ его нынѣ покоится въ Петербургѣ, въ Александро-Невской лаврѣ.

Приближаясь къ концу, человѣкъ невольно оглядывается на пройденный жизненный путь и, говорятъ, съ грустію произноситъ восклицаніе Соломона: „Суета-суетъ!“

„Жизнь, все—жизнь, исполненная пустоты“!—говорилъ и Жуковскій на смертномъ одрѣ. Онъ и теперь, въ преддверіи неразрѣшимой для человѣка

тайны—смерти, находилъ „успокоеніе лишь въ вѣрѣ и терпѣніи".

Эти слова были прощальными меланхолическими звуками, искренно отразившими въ себѣ настроеніе поэта въ послѣднія минуты его жизни.

Въ наше время, въ вѣкъ практическихъ соображеній, матеріализма и реализма, только изрѣдка заглядываютъ въ творенія Жуковскаго: его находятъ скучнымъ.

Лѣтъ 15—20 тому назадъ многіе съ увлеченіемъ читали писателей, въ тенденціозныхъ произведеніяхъ которыхъ односторонне отражается народная жизнь. Нынѣ эти сочиненія почти совсѣмъ забыты и, быть можетъ, навсегда.

Теперь наше общество, преимущественно молодое поколѣніе, увлекается новыми произведеніями. Но пройдутъ года, и эта новая поэзія, по большей части мутная, конвульсивная, также, нужно думать, будетъ предана забвенію.

Чистая же поэзія Жуковскаго, отражающая въ себѣ свѣтлую жизнь ея благороднаго автора, всегда будетъ привлекать къ себѣ того, чья душа, полная житейской тревоги, волнуется тоскливымъ порываніемъ безъ цѣли и, желая отрѣшиться отъ скучной земли, стремится къ свѣтлому небу, въ міръ идеальный, духовный, и тамъ находитъ то, что обѣщалъ и самъ поэтъ въ своемъ творчествѣ—утѣшеніе:

Въ часы испытанья и мрачной тоски,
Я въ образѣ тихой, небесной надежды,
Бесѣдуя скрытно съ твоею душой,
Въ прискорбную буду вливать утѣшенье.

Приложеніе 4-е.

Н. В. ГОГОЛЮ.

Много времени кануло въ вѣчность съ тѣхъ поръ,
Какъ почилъ ты, великій нашъ геній,
Но и „Мертвыя души“, и твой „Ревизоръ“,
И для новыхъ живутъ поколѣній.

И теперь Хлестаковы попрежнему врутъ,
И вокругъ насъ герои все тѣ же:
И Маниловъ, и Плюшкинъ, и Чичиковъ тутъ,
И Ноздревыхъ встрѣчаемъ не рѣже...

„Вечера близъ Диканьки“ твои, твой „Портретъ“
И твой „Вій“ полны сказочной тайны;
А въ „Тарасѣ Бульбѣ“ вдохновенно воспѣтъ
Твой народъ средь привольной Украйны.

Такъ прими же, о, Гоголь, хвалу ото всѣхъ
И спасибо за чудныя грезы,
И за твой откровенный, незлобивый смѣхъ,
И за міру незримыя слезы!

П. Н. Петровскій.